

Крестьянский вопрос философии общего дела

А. А. Оносов

Александр Аркадьевич Оносов, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник философского факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. 119991, Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4; старший научный сотрудник Центра исследований космизма Московской высшей школы социальных и экономических наук (МВШСЭН). 125009, Москва, Газетный пер., д. 3-5, стр. 1; доцент факультета гуманитарных и социальных наук РУДН имени Патриса Лумумбы. 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6.
E-mail: o.ksandr@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена экспликации и содержательному анализу «крестьянского вопроса», являющегося одним из смысловых средоточий философии общего дела Н. Ф. Федорова. В различных формулировках и аналитических срезях крестьянский вопрос — это та идейно рельефная тема космизма, в которую вплетены множественные антиномии бытия — городского и сельского, наличного и должного, мирского — всемирно-мещанского и священного — космически-крестьянского. При рассмотрении причинно-следственной связности крестьянского вопроса выясняется, что его многозначность обусловлена предельным онтологическим напряжением главного нерва философии космизма — вопросом «о жизни и смерти» в его нравственно-родовом осознании — как вопроса о смертных сынах человеческих, утративших братственность и всеобщее отечество, и отцах, ожидающих телесного воскрешения, восстания к пакибытию. В статье раскрывается супраморалистическое значение вопроса о «хлебном труде», различные предметно-жизненные, планетарно-космические выражения земледелия в цивилизационной практике и проективном целеполагании космофилософии. Подчеркивается, что в глубоком ретроспективном и перспективном историческом анализе мыслитель ясно осознавал крестьянскую сущность вопроса о жизни, и в этом отношении являлся сугубым прагматиком жизни — жизни актуально бессмертной и совершенной всех сынов человеческих, психократически интегрированных в «совершеннолетнее общество».

Ключевые слова: Н. Ф. Федоров, философия общего дела, космизм, супраморализм, крестьянство, крестьянский вопрос, земледелие, село, регуляция природы, воскрешение

Нынешним веком, наконец, начинаются изобретения, которые могут создать *всемирно-крестьянскую историю*, дать орудия действия на землю в ее целостности, всем людям в их совокупности, и не ради эксплуатации в конкурентной борьбе не столько за существование, сколько за прихоти и комфорт, а ради всеобщего спасения и мира в мире.

Н. Ф. Федоров

DOI: 10.22394/2500-1809-2024-9-3-7-24

На протяжении минувших почти полутора столетий крестьянская тема периодически вызывала и продолжает вызывать волны дискуссий, в ходе которых определялись черты идентичности россий-

ского крестьянства, выяснялись содержание и границы его субъектности как особой социальной общности (см., напр.: Великий незнакомец..., 1992; Современное крестьяноведение..., 2015; Гордон, Никулин, 2017). Кажется паралогичным, что в условиях технологического выхода глобальной цивилизации на информационную орбиту Индустрии 4.0 «крестьянский вопрос» не только не утратил актуальность, но и звучит в особой — эсхатологической — тональности: его решение осмысливается в контексте будущности планетарно-космического человечества, способного, в катастрофическом исходе истории, «открыть шлюзы» техногенного апокалипсиса, или же, напротив, в благом эволюционном разрешении, — к гарантированному обеспечению жизни, достигающей бессмертия и совершенства в каждом «сыне человеческом».

В философии общего дела «крестьянский вопрос» в его различных формулировках и аналитических срезах — та идейно рельефная тема учения Федорова, в которую вплетены множественные антиномии бытия — городского и сельского, наличного и должного, мирского — всемирно-мещанского и священного — космически-крестьянского. В категории крестьянства сверхнравственно сочленяются представления о неученых и ученых, верующих и неверующих; в проблеме земледелия содержательно раскрывается многослойная структура противоречий, связанных с «разделением разума», антиномических вопросов «о двух логиках и двух этиках», «о двух волях», «о двух чувствах» и «о двух нравственностях», «о двух мировоззрениях» (см.: Федоров, 1995а: 39б, 40б; Федоров, 1997: 352).

Крестьянский вопрос в его причинно-следственной связности и понятийной многозначности для концептуального строения *супраморализма*¹ выполняет логическую функцию «несущей частоты» смысловой генерации учения Федорова, в свою очередь порожденной предельным онтологическим напряжением главного нерва философии космизма — вопросом «о жизни и смерти» в его нравственно-родовом осознании — как вопроса о смертных сынах человеческих, утративших братственность и всеобщее *отечество*², и отцах, «сущих во гробех» и ожидающих телесного вос-

1. «Супраморализм» — наиболее строгое терминологическое определение Федоровым его этико-философской системы, использовавшееся им наряду с другими («Общее дело», «Пасхальные вопросы»). Супраморализм означает «самую высшую и, безусловно, всеобщую нравственность» как активное начало, проявляющееся долгом воскресения отцов-предков (см.: Федоров, 1995а: 388).
2. Отечество, в учении Федорова, — всеземная праотчина человечества, восстановленного в его максимальном историческом объеме, включающем воскресенных отцов всех поколений, т. е. это всепоколенческое планетарное общество всех исторических эпох социального времени. До воскресения прошлых родичей отечество — это земля отцов, хранящая в себе их прах и в целом отождествляемая с прахом предков.

крещения, восстания к пакибытию — жизни бессмертно-новой и преображенно-совершенной.

В супраморалистическом *экзистенциально-эмпирическом значении* и геоисторическом выражении земледелие — насущный «хлебный труд» для действительного и полного решения *продовольственного вопроса*³ — избавления от угрозы голода — и *санитарного вопроса*⁴ — безусловного дления человеческой жизни. Хлеб, в представлении Федорова, имеет религиозно-сакральное значение: это средство не только для питания живущих сынов, но и для поминовения умерших отцов. Поэтому в супраморализме продовольственно-санитарный вопрос получает священное значение, он религиозизируется, его решение направлено на обеспечение жизни всех людей — и ныне живущих, и уже отшедших, проективно подлежащих воскрешению. В проекте общего дела санитарно-продовольственный вопрос обозначает одно из главных направлений мирового дела земледельцев — управление природными процессами и явлениями, открывающее перспективу положительного сверхэмпирического решения третьей антиномии Канта⁵ — о свободе и необходимости: в философии космизма проективно понимаемая свобода невозможна «без власти над природою и без управления ею» (Федоров, 1995б: 78). В расширенном смысловом формате крестьянский вопрос — это вопрос об экзопланетном земледелии, поскольку даже технологическая возможность «производить зерно фабричным путем» (Федоров критически осмысливал такую неестественную перспективу) не гарантирует глобальной продовольственной безопасности, «ибо средства земного шара не безграничны... условия, от коих зависит урожай, вообще растительная жизнь, не ограничиваются даже пределами земной планеты» (Федоров, 1995а: 252–253).

В супраморалистическом *пасхальном значении* и семейно-родовом выражении земледелие — возделывание новой жизни: это «хлеб живой» (Ин. 6:51), подъятый из земли и возвращенный — именно возрожденный — сынами из праха отцов; это обновляющее вос-

А. А. Оносов
Крестьянский
вопрос философии
общего дела

3. Продовольственный вопрос заключается в избавлении от голода, зависимости в питании от слепой силы бессознательной природы и таким образом — в гарантированном обеспечении человечества продовольствием.
4. Санитарный вопрос включает в себя задачу активного здраво- и жизнеохранения человечества, обеспечения безусловной жизнеспособности человеческого организма; в определении Федорова, это «*восстановление здоровья телесного и душевного всего рода человеческого, освобождение от болезней не только хронических и эпидемических, но и от наследственных, органических пороков*» (Федоров, 1995б: 311).
5. Третье противоречие трансцендентальных идей И. Канта: «Причинность по законам природы есть не единственная причинность, из которой можно вывести все явления в мире. Для объяснения явлений необходимо еще допустить свободную причинность» (тезис) — «Нет никакой свободы, все совершается в мире только по законам природы» (антитезис) (Кант, 2020: 261).

крещение умерших отцов-предков в новых телах для пакибытия в социально полном отечестве. В этом смысловом измерении крестьянский вопрос — о *братотворении*⁶ и долге *патрофикации*⁷. Поэтому вопрос о родственном чувстве, сыновне укорененном самой землей отцов, — в противовес чувственности, потребительски культивируемой блудным городом, — является нравственно выразительной доминантой крестьянского вопроса. Сознание священного родства, крестьянский реликт родственности, по выводу Федорова, связаны с тем, что на селе живут «по понятиям народа... у могил отцов, у праха предков» (Федоров, 1995б: 29). Пасхальное земледелие означает возделывание земли: в высшей нравственной метрике земля как почва есть прах отшедших отцов-предков, а Земля как космическое тело — планетарное кладбище смертных сынов человеческих всех исторически минувших поколений, и потому, «как имеющая историю, она заключает в себе большее содержание, чем все миры, такой истории не имеющие» (Там же: 231).

В супраморалистическом *теосоциальном значении* и космологическом выражении земледелие — возделывание жизни в новых звездных мирах, на других планетах-землях, согреваемых иными солнцами, осваиваемых и одухотворяемых поколениями воскрешаемых землян. В космократической перспективе крестьянский вопрос — это вопрос о космическом земледелии: культивировании, т. е. преобразении пространственно-временной ткани Вселенной из первичной материи хаоса в истинный космос; это вопрос о становлении универсальной — совершенной и автономной — жизни и мироздания как космического отечества.

В архитектонике супраморализма значимость крестьянского вопроса определяется тем, что крестьянство — социообразующий, можно сказать, в буквальном смысле корневой, от самой земли изросший, народный феномен исконно земледельческой России — как социума, так и государства. В глубоком ретроспективном и перспективном историческом анализе мыслитель ясно осознавал крестьянскую сущность вопроса о жизни; Федоров, как бы это ни прозвучало неожиданно, сугубый прагматик жизни — но жизни совершенной и вечной — актуально *лично* бессмертной и пол-

6. Братотворение — исполняемое в ходе общего дела восстановление нравственно-родственных связей людей, трансформация гражданского общества в братский союз. В логике супраморализма, братотворение есть признание сынами своего естественного братства по общим для всех отцам-предкам и принятие долга их воскрешения, т. е. воссоздания всечеловеческого отечества.

7. Патрофикация (греч. *πατήρ* — отец, *πάτρα* — отечество), или *отцествование* — специальные термины, служащие в космософии для выражения задачи воскрешения умерших отцов, преодолевающего традиционное вытеснение из жизни старшего поколения младшим, безнравственную утрату блудными сынами отечества и их сиротство.

ноорганичной, психократически интегрированной в бытие совершенного общества⁸, устроенного по типу Св. Троицы.

В земледелии Федоров видел прообраз воскрешения мертвых: подобно тому, как к жизни возвращается погребенное зерно (природно-естественное христианское начало крестьянского труда), «посеянные» в тлене тела отцов должны быть воскрешены, обрести пакибытие в новых телах (нравственно-естественное активно-христианское начало исторического полного отечества). При этом Федоров отмечал, что природное земледелие, «обращая прах предков в пищу» (ибо сама земля есть прах отцов), «лишь мнимо служит умершим отцам» (Федоров, 1995а: 97); оно не восстанавливает жизни отцов в действительности и потому земледелие как естественная, *языческая* пасха должно быть супраморалистически обобщено и историзировано в общесыновнем деле отцетворения, в действительной *христианской* Пасхе. Проективной технологической основой патрофикации должны стать «естественное тканетворение», «органосозидание» и «телостроение»⁹, собирающие прах умерших предков и облекающие его новой плотью. В супраморализме земледельческий труд, село и сельский быт, ассоциировавшиеся с крестьянами как сословием, как неучеными и верующими, представляют антиномический противовес занятиям теоретической мыслью, свойственной интеллигенции, городу, городскому порядку жизни и мировоззрению, учености и ученым, религиозной аномии и неверию. Так, антиномия «сельский и городской» раскрывает основное противоречие цивилизационного порядка бытия, порождающего губительные исторические метастазы и знаменующего всеобщую *неродственность*¹⁰, которая разъедает общество, вызывает «разъединение миров» (Федоров, 1995б: 338), обуславливает немирное онтологическое состояние Мира в целом.

Высшей точкой идейно-нравственного стояния супраморализма является безусловный долг воскрешения всех когда-либо живших и ныне мертвых предков всех исторических эпох. Именно для

А. А. Оносов
Крестьянский
вопрос философии
общего дела

8. Совершеннолетнее общество, в представлении Федорова, — психократически проникнутый братский союз всех оживших поколений «сынов человеческих» во всеедином отечестве; это нравственно вызревшее общество, устроенное «по типу Троицы», а не «по типу организма».
9. Естественное тканетворение, органосозидание — термины, обобщающие предполагаемые Федоровым способы генерации органических тканей человека — создания и воссоздания «тех тканей, из которых слагается человеческий организм» (Федоров, 1999: 320), возможность продуцировать, совершенствовать и восстанавливать необходимые органы совершенного человека; органо- и телостроение — «восстановление разрушенных тел, праха, в живое тело» (Федоров, 1995б: 294).
10. Под *неродственностью* Федоров понимал смертоносный порок установившегося порядка взаимобытия природы, общества и человека в их взаимочуждом и убийственно-враждебном проявлении. Это система исторически сложившихся отношений людей между собой и отношения «слепой природы к разумным существам» (Федоров, 1995а: 396).

воскрешения «необходим переход от города к селу» (Федоров, 1997: 375) — таково императивное заключение супраморализма. Более того, само земледелие, в максимально строгом определении мыслителя, должно превратиться в воскрешение (см.: Федоров, 1999: 465). Решение крестьянского вопроса в логике общего дела — это нравственно-научное «возвращение» города в село, воссоединение бездельного знания с неученым делом — обретения цельности теоретического и практического разума, служащего природной регуляции — сначала планетарно-метеорологической, а затем и теллуру-соляриной, осуществляемой в пределах Солнечной системы, и астро-космической, т. е. вселенской.

Федоров определял земледельцев как «природных христиан», считая православие именно *крестьянской* верой, а самого крестьянина — синонимом христианина¹¹, и в этом качестве — носителем мира и устройтелем жизни (см.: Федоров, 1995а: 68, 175; Федоров, 1997: 216). При этом «природность» христианского характера православного землепашца выражается, следуя логике мыслителя, не только в смысле собственной, имманентной христианской *натуры* крестьянина, но и по его деятельному *призванию* — именно активно-христианскому долгу управления природными явлениями и процессами, онтологически преобразующего *мир* (вселенскую природу), в единстве с богодействующим человеком, становящимся *миром* — гармонизированным состоянием умиротворенной реальности. В этом мире, уже вышедшем из-под власти «слепой силы, производящей вражду», не будет «ни борьбы, ни смерти, потому что рожденные, или сыны, по причине безграничной любви к родившим уже не будут рождать смертное, а будут воссоздавать умерших, т. е. бессмертное» (Федоров, 1995а: 424). Поэтому крестьянский вопрос о хлебе насущном — это и деятельно-христианский, в православном духе решаемый вопрос о прочном обеспечении существования, которое «в последнем результате есть бессмертие» (Там же: 199). Аксиоматическим положением философии общего дела является трудовой принцип: вытрусить общим делом действительно гарантированное существование возможно лишь путем природной регуляции, в преобразующем потоке охватывающей как внешнюю среду — все процессы и явления материального мира, так и природу самого человека и претворяющей его бранный психофизиологический статус.

В крестьянской формуле «*не земля, а небо нас кормит*», стихийно признающей критическое значение метеорологических явлений в «хлебном труде», Федоров видел естественные, в буквальном смысле «небесные» указания на необходимость «регуляции слепой силою, носящую в себе голод, язву и смерть», т. е. действительного,

11. Аналогичным образом сущностные черты земледельца совмещал Ф. М. Достоевский: это «христианин-крестьянин», и потому «государство есть по преимуществу христианское общество и стремится стать церковью» (см.: Достоевский, 1984: 80).

основанного на синтетическом и коллективном знании управления, «имеющего своим предметом самую природу, а единым художником — все человечество» (см.: Федоров, 1995б: 343). В этом аспекте село, земледельцы, в представлении философа общего дела, — «поклонники неба», уповающие на «благорастворение воздухов» и мифологически переносящие на небо умерших отцов-предков, тогда как город — «создание блудных сынов, забывших отцов, а с ними и небо, увлекшихся земною красотой» — в паралогическом выводе мыслителя — «поклонник земли» (см.: Федоров, 1997: 362). Естественная необходимость природной регуляции совершенно очевидно определяется тем, что Россия — «земледельческое царство», «Россия вся-село» (см.: Там же: 18, 138). Страна «климатических крайностей», «неурожаев от засух и ливней», «земля голода» (см.: Федоров, 1995а: 68; Федоров, 1997: 19, 306) не может не заняться решением «санитарно-продовольственного вопроса в обширном смысле, т. е. как вопроса *об объединении всех <...> в труде* познания природы, как общего предмета крестьянской или сельской науки, которая должна иметь приложение в регуляции метеорических явлений земного шара» (Федоров, 1997: 19).

Переход от дарового («кормления») небом к трудовому решению «санитарно-продовольственного вопроса, который и составляет предмет крестьянской науки» (Там же: 306), означает необходимость предварительного решения вопроса о разделении и единстве разумов — о покаянном возвращении *теоретического* разума, вышколенного городом, к *практическому*, эвристически наученному селом, т. е. возвращении в село, в небесно-земледельческую практику. В синтезе разумов, обосновывающем «единый совершенный опыт всех разумных существ», относящемся «к природе как единому целому, ко всей слепой силе, опыта, через который последняя вся обращается в управляемую коллективным разумом», Федоров видел начало истории всемирно-крестьянской *как акта*, искупляющего историю всемирно-мещанскую *как факт* (см.: Федоров, 1995б: 97). В эсхатологически предельной постановке это вопрос о двух путях: жизни и смерти. Первый — «*путь жизни, христианский и крестьянский*», родственный, *космоургический*; второй — путь смерти, «*языческий, городской, юридический, экономический*» (Там же: 293).

Критически осмысливая исторически сложившуюся систему социоприродного бытия, Федоров выявляет причинно-следственную прогрессию цивилизационных процессов, обусловивших немирное состояние мира. Исходной точкой, ставшей поворотной в возникновении и развитии неродственности, мыслитель считал отделение города от села, сопряженное с этим социально-профессионально-культурное расслоение общества, подмену родственности юридическими отношениями, очужетворение и небратство¹², отстранение

12. Очужетворение — особый термин философии общего дела, фиксирующий факт нарастающей в ходе цивилизационного развития несовершеннолет-

теоретического знания от практического, изворот естественного земледелия, «имеющего дело с живою природою, живущего одною с природою жизнью» (Федоров, 1995а: 230), в мануфактурный промысел — индустрию, производящую искусственные подделки из мертвого вещества, — те факты мировой истории, которые обусловили социальный вопрос и безнадежную, в рамках утвердившейся парадигмы прогресса, неразрешимость продовольственного и санитарного вопросов. В супраморалистическом размыкании фундаментальный порок социальной организованности выражается антиномией «двух культур»: противоречием между праздно-городской культурой, технологическим умерщвлением живого и производством искусственного, — и хозяйственно-сельской культурой, крестьянским возделыванием жизни, воспроизводством естественного. В субъективно-психологическом измерении это смыслодержательный разрыв между заботой об индивидуальном наслаждении и долгом исполнения общего дела. В урбанизации России, в ее раскрестьянивании Федоров видел угрозу религиозно-городского протеста земледельческой России: перерождения православного сельского-родственного миропонимания и жизнеотношения в городское протестантское, не испытывающее нравственной нужды в воспитании «благоговейных чувств к отдаленным предкам» (Там же: 367, 244).

Логически сосредотачиваясь на исходном звене причинно-следственной цепи, Федоров полагал, что пока не будет решен существенный вопрос об отношении «города к селу, крестьян к горожанам», до тех пор «небратское состояние не уменьшится, а, напротив, только увеличится» (Федоров, 1995б: 419). Так, именно отделение города от села и образование городского сословия положило начало современной науке, заменившей практическое изучение природных явлений, их «гнетущей силы», субъективным знанием (Федоров, 1995а: 230; Федоров, 1997: 140). Ученые, даже из числа естествоиспытателей, теоретически оторвавшись от проблем сельской жизни, хлебопашеских забот крестьян, уже «не признают обязанности научить их, не признают за собою долга учительства», т. е. научно обосновать решение продовольственного вопроса (Федоров, 1997: 140). Такое «равнодушие города к земледелию», замечал Федоров,

него общества деградации и разрушения нравственно-родственных связей людей; выражается социально-исторически обусловленным утверждением отношений небратства и сиротства сынов человеческих, всеобщей неродственности и чуждости людей. В содержательном определении очуждение является супраморалистической антитезой братотворению. Небратство в философии общего дела — проявление неродственных внутритроколенческих отношений в обществе, именно — между «блудными сынами», забывшими своих отцов-предков и потому утратившими знание и чувство своей естественной, по общим для них отцам существующей, родственности. Небратственные отношения соответствуют нравственно-исторической стадии несовершеннолетнего общества.

«не только не нравственно, а даже и неразумно», поскольку создаст апокалиптические риски для человечества (Федоров, 1995а: 251; Федоров, 1997: 140). В свою очередь, отделение теоретического разума от «народного, практического, верующего (христианского или крестьянского)» привело к замене самого вопроса о жизни и смерти «городским вопросом о бедности и богатстве» (Федоров, 1995а: 395), т. е. подтасовке вопроса о *естественной* бедности (природном пауперизме — смертности) и *истинном* богатстве (бессмертной жизни и всеобщем воскрешении) социальным вопросом об *искусственном* пауперизме и *мнимом* богатстве, или «о всеобщем обогащении» (Там же: 390, 395). Анализируя существующий экономический уклад, философ пришел к выводу: «Торгово-мануфактурная промышленность не только не ставит себе задачей разрешение продовольственно-санитарного вопроса, что составляет сущность земледелия и литургии, но она действует прямо в противоположном разрешению этого вопроса смысле, т. е. она есть обращение живого в мертвое» (Там же: 264).

Исследуя смысл и содержание сельского труда в сверхнравственном контексте задач общего дела, Федоров отмечал «крайнее легкомысленное отношение» (Федоров, 1995б: 368) творческой интеллигенции — ученых, писателей, художников — к крестьянскому делу, главному вопросу земледелия — решению продовольственного вопроса. Мыслитель предельно критично относился к публичным призывам Л. Н. Толстого, предлагавшего «по-дурацки, по-мужицки, по-крестьянски, по-христиански» (Толстой, 1937: 181), разом и всем народом «налегнуть» на общее дело рода человеческого и на крестьянский «хлебный труд». Федоров считал совершенно неприемлемыми такие представления «бывшего рабовладельца» (Федоров, 1999: 26), фактически отвергавшего «науку о земле, воде и обо всем, от чего зависит урожай» (Федоров, 1995б: 345). Признавая необходимость участия всех в сельско-земледельческом труде, философ настаивал, что крестьянский труд должен быть возвышен «до участия в регуляции, в научном опыте» (Там же: 344), сила этого труда — «не в пахании и не в сеянии только... сила земледельческого труда заключается в управлении самими условиями растительной и животной жизни... Только управление этими условиями, в которое входит все естествознание в самом обширном смысле (да и не одно естествознание!), может предохранить урожай от всех случайностей, сделает его всегда верным; только при такой власти над силами природы земледелец перестанет быть подобным игроку, земледелие — игре, а урожай — выигрышу» (Там же: 347). Категорически возражая Толстому, Федоров убеждал: «Одною пахотой да косьюбою» нельзя получить «исцеление от всех зол» (Там же: 344). Кроме того, в супраморалистическом понимании земледелие как основа решения санитарно-продовольственного вопроса и исполнения долга патрофикации требует не одномоментного — ситуативно разового — соединения в по-

знавательно обестворченном и тяжелом сельскохозяйственном труде, а подлинного и всеродового братотворения в литургическом священно-отеческом деле всех сынов человеческих, включая все их воскрешенные поколения. И тем, что «все, бросив науку, сделались пахарями» (Там же: 345), не достичь всеобщего примирения.

Критикуя размышления другого автора, земледельца Т.М. Бондарева¹³, Федоров твердо настаивал на том, что решение крестьянского вопроса требует *«не работы только, но и знания. И только при исполнении этого требования, при принятии на себя и учеными и неучеными двойного труда — учеными не одного только знания, но и действия, а неучеными не просто работы только, а работы, направляемой знанием, наукою, — только при этом условии и можно надеяться, что заповедь Божия: “в поте лица снеси хлеб твой” — будет действительно исполнена»* (Федоров, 1995б: 347).

Критике Федорова по крестьянской теме также подверглись взгляды философа В. С. Соловьева, сосредоточившего свое внимание преимущественно на низком культурном уровне сельского быта и необходимости технологических усовершенствований в земледелии (см.: Соловьев, 1989), но не сумевшего подняться до понимания масштаба действительного управления всеми метеорологическими, теллуру-соляными и теллуру-космическими циклами крестьянского взаимодействия с землей: сделать ее познавательно-деятельным «предметом всех в совокупности» (Федоров, 1999: 88), что, по мысли Федорова, означало бы переход от истории «всемирно-мещанской» к истории «всемирно-крестьянской».

В проективном задании общего дела земледелие должно стать «исследованием природы... сделаться обращением слепых сил природы в сознательные», «отнимая прах предков» (Федоров, 1995а: 241) и облекая его новыми телесными покровами для пакибытия. Поэтому в супраморалистической логике земледелие должно стать «всеобщим занятием», требующим «возвращения из городов в село, к праху отцов» (Федоров, 1995б: 338). Это будет «началом исправления» сознания сынов и в конечном счете станет «пробуждением отеческого чувства» (Федоров, 1995а: 244), и тогда же продовольственный вопрос станет главным делом. Такое возвращение Федоров определил как «всеобщее сельское ополчение, или сельскую воинскую повинность» (см.: Там же: 241). В супраморалистической интерпретации эта идея выражает переход от исторически-традиционного, воинствующего милитаризма, к сельскому — народному и священно-научному: милитаризму, защищающему не безнравственно прогрессирующие, ненасытные потребительские интересы

13. Бондарев Т. М. (1820–1898) — земледelec, стихийный религиозно-крестьянский философ, автор сочинения «Трудолюбие и тунеядство, или Торжество земледельца», в сокращенном виде опубликованного в журнале «Русское дело» в 1888 (№ 12), в полном виде изданного в 1906 г. (см.: Бондарев, 1906).

блудных сынов, а прах отцов. В логике сельского милитаризма орудия вооруженной борьбы с себе подобными, технические средства ведения войн превращаются в орудия борьбы со смертоносной природной стихией в целях обеспечения прочного существования человечества, «превращения смертоносной слепой силы в живую» (Федоров, 1997: 516); происходит замена «взаимного истребления действительным возвращением жизни жертвам борьбы» (Федоров, 1995б: 305), и в этом аспекте — волевой и благой исход из бытийных кругов природной необходимости. Угроза Апокалипсиса, который, по убеждению Федорова, есть лишь условное пророчество¹⁴, активно-исторически преодолевается действительным апокатастасисом — спасением всех из ада *посюсторонне* (имманентная цивилизационная данность: правовое государство, гражданское общество, промышленно-торгово-потребительская цивилизация) и *потустороннего* (изведение душ из Ада трансцендентного). В «земледельческой армии» войска, занимающиеся «настоящею полевой службою», превращаются в «воинство сынов, воссозидающее прах в живые тела отцов» (Федоров, 1997: 516; Федоров, 1995б: 352, 305).

Однако, замечает философ, «одним отрицанием всего созданного городом, в том числе науки и искусства, одним возвращением к земле как источнику только средств к жизни, одним опрощением, принятием участия в земледельческих работах, т. е. принятием лишь внешнего образа сельских жителей, вопрос о разделении не разрешается» (Федоров, 1995а: 423). Для решения вопроса требуется нравственное, душевное перерождение, когда «опростившиеся горожане... увидят в земле не источник лишь средств к жизни, но и прах отцов, требующий возвращения жизни» (Там же).

Решение крестьянского вопроса в супраморалистической экстраполяции его содержания (продовольственно-санитарные гарантии бессмертной жизни, воскрешение мертвых, небесная антропология эмпирического человека и утверждение психократии¹⁵) императивно требует нравственно-социальной — родственной братско-отеческой — интеграции человечества, ныне раздробленного по политическим, экономическим, религиозным, этнокультурным и иным линиям разлома, во «всословную земледельческую общину» (Там же: 254). Это сельская воинская мобилизация, приобретающая смысл всесыновнего собирания социальных страт в общепотеческом деле. В таком родственно и целно соединенном — самой землей уродненном — обществе ученые призваны исполнять

14. «Фатальная... развязка есть вымысел книжников и разных академий» (Федоров, 1995а: 275).

15. Психократия — проективная форма совершенного общества, устроенного «по типу Св. Троицы». Психократическое общество основано на полной душевной открытости, достигаемой взаимознанием о внутренних свойствах человека по его наружным и внешним выражениям.

должность исследователей и научных наставников в управлении природными процессами, служить делом выработки практического знания — всеобъемного регулярного «крестьянского или христианского естествознания», которое должно быть «имманентной синтетикой с опытом естественным и всеобщим (делом всеобщим)» (Федоров, 1995б: 95). Всенаучное «естествознание будет душой и разумом земледелия» (Федоров, 1995а: 346), в котором все будут участниками в знании и его практическом — жизнеутверждающем и патрофикационном — приложении.

Глубокий синтез разума теоретического — «смерть и жизнь познающий (вопрос о смерти и жизни)» — с разумом практическим — «жизнь возвращающий и смерть тем побеждающий (вопрос о всеобщем деле воскрешения)», — во взаимном отрыве являющимися, по мнению Федорова, «двумя невежествами», означает также соединение разума научного с верующим — крестьянским и христианским; соединившись же, они «воссияют двойным светом» (Там же: 395). Примирение и синтез знания и веры становится прологом примирения церкви и религий, которое Федоров мыслил на основе активно исповедующего и вероисполняющего православия; примирения крестьянского духовного и интеллигентского светского — всеобщего межсословного примирения, возвышающегося до истинного братотворения сынов. В проективном взаимопроникновении христианская вера и наука становятся именно крестьянской гносеоургией¹⁶, осуществляющей внехрамовую службу мировой регуляции, в которой «интеллигенция должна будет принять на себя труд, подвиг всяческих исследований, и вместе на ней же будет лежать обязанность руководить, быть наставником, учителем в деле исследований всех сочленов общины земледельцев, будет лежать обязанность сделаться служилым сословием наравне с крестьянами» (Федоров, 1995а: 260) в мировом предприятии регуляции. Всеобъемлющее управление природой как гносеоургический кумулятив сельского знания и сельского дела, выражающее научно-нравственный материализм, должно «привести к естественному решению крестьянского вопроса» (Там же: 41, 436). Замечательным примером «взаимодействия интеллигенции и народа в стремлении сохранить и развить крестьянский образ жизни в союзе с современным научным и техническим знанием» (Никулин, 2022: 244) — по сути, стихийной операционализации и приложения идей Федорова — можно считать факт аграрной истории России: «К началу XX в. в России развился институт так называемой общественной агрономии — сети земских консультационных агрономических ор-

16. Федоров предполагал, что в проекте общего дела гносеология — теория познания, обретет функциональную полноту гносеоургии — дела знания и одновременно познания делом, в котором знанию предназначено стать научным наставником и практической методологией мировой регуляции (см.: Федоров, 1999: 78).

ганизаций, достаточно эффективно и самоотверженно работавших над развитием сельскохозяйственного просвещения среди крестьян, обучая их полезным знаниям и приемам современной аграрной науки» (Там же: 241).

Научно-технологическими заделами регуляции Федоров считал «опасные опыты» «поморского крестьянина» Ломоносова с громоотводом и его исследования атмосферного электричества (см.: Федоров, 1997: 389; Ломоносов, 1952). Еще более прочное обоснование, по убеждению Федорова, проект регуляции получал в технологических идеях «метеороурга» В. Н. Каразина¹⁷ (см.: Федоров, 1995б: 260–264), его метеорологических инженерно-изобретательских предложениях: громоотвод, поднятый «на аэростат-самолет, воздухоплав» (Федоров, 1997: 389). Федоров полагал, что, когда «предлагаемое Каразиным орудие будет в руках всех общин, тогда весь метеорический процесс земного шара будет регулируем, ветры и дожди обратятся в вентиляцию и ирригацию земного шара как общего хозяйства» (Федоров, 1995а: 253). При этом Федоров оценивал потенциал «орудия Каразина» в нравственно-историческом и эсхатологическом масштабе: «Нынешним веком, наконец, начнутся изобретения, которые могут создать *всемирно-крестьянскую историю*, дать орудия действия на землю в ее целости, всем людям в их совокупности... ради всеобщего спасения и мира в мире» (Федоров, 1995б: 97). В таком смысловом раскрытии природная регуляция и практическое решение крестьянского вопроса означает решение вопроса «о двух историях».

Примирение города и села в деле регуляции является одним из обязательных условий «естественного умиротворения», преодоления неродственного состояния мира. Поэтому вопрос о переходе города в село, включая сопряженные вопросы «о двух разумах (теоретическом и практическом), о двух сословиях (т. е. ученых и народе)» (Федоров, 1999: 167), — весь комплекс «Пасхальных вопросов» об умиротворении мира, супраморалистически понимаемых как переход от истории *всемирно-городской*, всемирно-гражданской и мещанской, какой она фактически является в своем содержании, к истории *всемирно-крестьянской*, всемирно-родственной, какой она должна быть в активно-историко-христианском делании (см.: Федоров, 1997: 320, 326), Федоров мыслил «открыть и поднять» на научно-религиозной Конференции мира, повесткой кото-

17. Каразин В. Н. (1773–1842) — просветитель, ученый и инженер, статистик, общественный и государственный российский деятель. В числе революционных идей Каразина, «не оцененных современниками и слишком рано забытых потомками» (Федоров, 1997: 126), особое место занимает его настоятельное предложение организации регулярных — постоянно и повсеместно осуществляемых — метеорологических наблюдений в России. В философии Федорова идея метеорегуляции и подлинного метеотворчества, исполняясь содержанием уже космического задания мировой регуляции, послужила одним из закладных камней всего корпуса общего дела.

рой в идеологическом супремуме должна стать планетарно-космическая крестьянская историософия.

На исторических этапах выработки теoантропологических и теосоциальных свойств разумной жизни космизирующемуся человечеству предстоит переопределить формы хозяйственно-промышленной жизнедеятельности — они должны выразить супраморалистическую сущность *экономики спасения*. Это означает глубокую структурную трансформацию всей индустриальной деятельности человечества, братски соединившегося в отеческом деле: не сельское хозяйство должно быть отраслью экономики, а, напротив, промышленность должна быть интегрирована в земледелие, «перевес должен перейти на сторону земледелия» (Федоров, 1995а: 252). Индустриализм как преимущественно фабрично-заводское производство мыслился Федоровым конверсирующим в сельское дело и переходящим «более и более от искусственного производства тканей и орудий к созиданию тех тканей, из коих слагается человеческий организм» (Федоров, 1999: 320). Промышленно-земледельческий синтез, смена характера хозяйственной деятельности человечества — переход от внешнего технологизма к внутреннему органицизму — означает становление сельского, земледельческого, и одновременно — семейного, священно-научного индустриализма, нравственно-научно подчиненного решению вопроса «о смерти и жизни», выработке новой антропологии эмпирического человека.

Помимо управления внешними природными процессами земледелие, в познавательном-исследовательском расширении его предметной сферы, «будет все глубже входить в жизнь растительную, усвоить себе растительные процессы, пользоваться созидающей силой живого организма, чтобы самому себе фабриковать всю свою телесную оболочку со всеми органами, кои делали бы ненужными искусственные покровы и орудия» (Федоров, 1995а: 265). Это активно-эволюционная идея полноорганности¹⁸ как результата небесной антропологии, основанной на органической технике естественно-тканетворения, органосозидания — обретения ветхим человеком статуса совершенного бессмертного существа, открытие научного искусствознания «анастатики» — действительного, а не мнимого воскрешения всех прошедших поколений отцов-предков.

В возвращении города к селу, по замыслу Федорова, ключевую роль призван играть музей, по своему генетическому смыслу со-

18. Полноорганность — инновационное понятие учения Федорова, выражающее идею проективно-культурной антропологии. В самом общем определении полноорганность — это способность совершенного человека выработать путем внутренней — психофизиологической — регуляции любые нужные специализированные органы, ситуативно принимать различные формы и приобретать конкретные, актуально востребованные качества организма, жизненно необходимые «для существования во всех мирах и во всех средах» (Там же: 292).

единяющий настоящее с прошлым, живых — с прежде жившими, сынов — с отцами (см.: Федоров, 1995б: 393). Структурно такой музей должен представлять всенаучно-исследовательско-образовательное учреждение, сочленяющее в своей деятельности функции музея, храма (музей-храм), обсерватории (музей-храм-лаборатория) и школы (музей-храм-школа) (см.: Федоров, 1997: 20). В школах-храмах должна «по-крестьянски научно» преподаваться светская крестьянская наука «для объединения всех в деле исследования слепой метеорической силы с производимыми ею неурожаями и эпидемиями, для осуществления христианского дела» (см.: Там же). В синтетике рационального и чувственного начал «музейский храм-школа, ставящий своим предметом знание и почитание отцов, все знание природы делает средством для выражения этого почитания» (Там же: 45), воспитания нравственного чувства детей к их родителям. Федоров считал, что для школ-храмов метеорология — самая необходимая наука и потому в целях общего дела он предполагал повсеместное открытие таких школ, по сути, школ-лабораторий, которые бы занимались разносторонними наблюдениями, «обнимающими не землю только, но и небо» (Там же: 128), поскольку метеорология небесная в материалистическом понимании как знание атмосферы уже есть пролог астрономии (Там же: 144, 147), знания космических процессов.

В истинном познавательном аспекте, по мнению Федорова, «в основе сельского дела лежит астрономия» как непосредственное сельское знание — «конкретная физика и химия» (Федоров, 1995а: 231) метеорического процесса, явлений растительной и животной жизни. Сама же астрономия с возвращением в село обретет характер и содержание дельной предметно-крестьянской науки, «станет предметом дела» (Федоров, 1997: 362). Это и есть крестьянский космизм: из эмпирического обобщения «не земля, а небо кормит» супраморализм восходит к закономерному выводу о необходимости регуляции природы, т. е. метеорологического процесса, который есть выражение космического процесса, что означает нравственно-естественный переход от земли к небу, т. е. от смертности к бессмертию, от смерти к воскрешению, от питания прахом к возделыванию праха — воскрешению и воскресению в новом онтологическом пространстве-времени совершенной жизни.

Анализируя познавательный потенциал крестьянского дела, Федоров проецировал его в масштабе космических процессов: «если село будет иметь науку, то эта наука будет небесною» (Федоров, 1999: 341), в которой «крестьяне-пахари имеют наибольшее значение... Для села менее препятствий сделаться гражданином вселенной» (Федоров, 1995а: 262–263). По твердому убеждению мыслителя, сельское хозяйство «не может ограничиваться пределами земли, ибо условия, от коих зависит урожай, или вообще растительная и животная жизнь на земле, не заключаются только в ней самой» (Там же: 291). Обобщая, Федоров пришел к выводу: «весь

теллуросолярный процесс должен бы войти в область сельского хозяйства» (Там же: 291–292), которое таким образом астрономически расширяется и приобретает космологическую функцию. В космоургическом проявлении сельский труд послужит основой космической эстетики, обретению космосом художественной выразительности через образы космического искусства и архитектуры; «сельский труд возвысится до знания мировых, теллуросолярных процессов; космогонический эпос будет переходить тогда от слов к делу, и к делу такому же широкому, как и эпическая поэма» (Там же: 263). В образовательно-педагогическом отношении «космогонический эпос» как преодоление «земной трагедии» будет служить нравственному воспитанию и научному просвещению сынов человеческих для мирового предприятия природной регуляции.

В предельном супраморалистическом обобщении космическое земледелие должно стать вселенской культурой возделывания звездных миров и планет, которые тоже есть земли в иных солнечных системах. Земледельческая космогония тогда обратится в активную мировую эволюционику, определенную Федоровым как «коперниканское зодчество» — деонтологическое утверждение высшего состояния мира: возделывание Земли как актуального Рая — имманентного, а не трансцендентного, посюстороннего, а не потустороннего; и это творческое окормление вселенной, энтропийно склоняющейся к хаосу, в подлинный Космос — нарядный порядок, или упорядоченную красоту, согласно эллинским представлениям. Во вселенской литургии природной регуляции звездные миры, одушевленные и одухотворенные воскрешенными поколениями, объединенные в хоры садов цветущей жизни, станут проявлением эстетического супраморализма, означающего «Аз делаю» — богодейственное устройство космического лона мировой разумной жизни; мироздание тогда приобретет архитектурно-художественный образ вселенского храма как воплощения живой архитектуры, дышащей и духотворящей мирами, организованными в Церковь мирового спасения. В бесконечном звездном приложении вектор космологического зодчества совершеннолетнего человечества направлен на превращение «земледелия во вне-храмовую Евхаристию или Пасху, на прахе отцов совершаемую в союзе со всеми живущими, распространяя священнодействие на вземные, небесные пространства и на преисподняя земли» (Федоров, 1999: 465).

Библиография

- Бондарев Т. М. (1906). Трудолюбие и тунеядство, или Торжество земледельца. СПб.: Посредник.
- Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире (1992) / Пер. с англ.; сост. Т. Шанин; под ред. А. В. Гордона. М.: Прогресс.
- Гордон А. В., Никулин А. М. (2017). От «человека общины» я вышел к хозяйствующему на земле субъекту, «хозяину-труженику»... // Крестьяноведение. Т. 2. № 2. С. 33–52.

- Достоевский Ф. М. (1984). Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 27. Л.: Наука.
- Кант И. (2020). Критика чистого разума / Пер. с нем. Н. О. Лосского. М.: Академический проект.
- Ломоносов М. В. (1952). Слово о явлениях воздушных, от электрической силы происходящих // *Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Т. 3.* Л.: Изд-во Академии наук СССР. С. 15–99.
- Никулин А. М. (2022). Николай Федоров и Александр Чаянов: проекты крестьянского преобразования России // *Философ общего дела: материалы Международных научных чтений памяти Н. Ф. Федорова* / Ред.-сост. А. Г. Гачева. М.: ЦБС ЮЗАО. С. 237–253.
- Современное крестьяноведение и аграрная история в XX веке (2015) / Под ред. В. В. Бабашкина. М.: РОССПЭН.
- Соловьев В. С. (1989). Народная беда и общественная помощь // *Соловьев В. С. Сочинения: в 2 т. Т. 2.* М.: Правда. С. 370–383.
- Толстой Л. Н. (1937). О переписи в Москве // *Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 25.* М.: Художественная литература. С. 173–181.
- Федоров Н. Ф. (1995а). Собрание сочинений: в 4 т. Т. I. М.: Прогресс.
- Федоров Н. Ф. (1995б). Собрание сочинений: в 4 т. Т. II. М.: Прогресс.
- Федоров Н. Ф. (1997). Собрание сочинений: в 4 т. Т. III. М.: Традиция.
- Федоров Н. Ф. (1999). Собрание сочинений: в 4 т. Т. IV. М.: Традиция.

Peasant question in the common cause philosophy

Alexander A. Onosov, PhD (Philosophy), Leading Researcher, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University; Senior Researcher, Center for Cosmism Studies, Moscow School of Social and Economic Sciences; Associate Professor, Faculty of Humanities and Social Sciences, RUDN University. *Lomonosovsky Prosp., 27–4, Moscow, 119991, Russia.* E-mail: o.ksandr@yandex.ru

Abstract. The article presents the results of the explication and analysis of the “peasant question” as one of the semantic centers of N. F. Fedorov’s common cause philosophy. In its various formulations and analytical sections, the peasant question is an ideologically complex issue of cosmism, which combines multiple antinomies of being — urban and rural, present and due, secular (universal-philistine) and sacred (cosmic-peasant). The cause-and-effect analysis of the peasant question shows that its polysemantic nature is determined by the extreme ontological tension of the main nerve of the cosmism philosophy — issues of “life and death” in its moral-family form as issues of mortal sons who lost brotherhood and universal fatherland, and as issues of fathers awaiting bodily resurrection, a rebirth. The article identifies the supra-moralistic significance of the “bread labor” — various subject-life, planetary-cosmic expressions of agriculture in civilizational practices and projective goal setting of cosmosophy. The author emphasizes that in his deep retrospective and prospective historical analysis Fedorov clearly realized the peasant essence of the question of life and was a pure pragmatist of life as immortal and perfect for all sons of men, psychocratically integrated into the “adult society”.

Key words: N. F. Fedorov, common cause philosophy, cosmism, supra-moralism, peasantry, peasant question, agriculture, village, regulation of nature, resurrection

References

- Bondarev T. M. (1906) *Trudolyubie i tuneyadstvo ili torzhestvo zemledeltsa* [Hard Work and Idleness or the Triumph of the Farmer], Saint Petersburg: Posrednik.
- Dostoevsky F. M. (1984) *Polnoe sobranie sochineniy*, t. 27 [Complete Works, vol. 27], Leningrad: Nauka.

- Fedorov N. F. (1995a) *Sobranie sochineniy*, t. I [Collected Works, vol. I], Moscow: Progress.
- Fedorov N. F. (1995b) *Sobranie sochineniy*, t. II [Collected Works, vol. II], Moscow: Progress.
- Fedorov N. F. (1997) *Sobranie sochineniy*, t. III [Collected Work, vol. III], Moscow: Traditsiya.
- Fedorov N. F. (1999) *Sobranie sochineniy*, t. IV [Collected Works, vol. IV], Moscow: Traditsiya.
- Gordon A., Nikulin A. (2017) Ot "cheloveka obshchiny" ya vyshel k khozyajstvuyushchemu na zemle sub`ektu, "khozyainu-truzheniku" ["From a 'commune member' to the economic agent — a farmer, an 'owner and hard worker'..."]. *Russian Peasant Studies*, vol. 2, no 2, pp. 33–52.
- Kant I. (2020) *Kritika chistogo razuma* [Critique of Pure Reason], Moscow: Akademichesky projekt.
- Lomonosov M. V. (1952) Slovo o yavleniyah vozdushnyh, ot elektricheskoy sily proiskhodiyashchih [Oratio de meteoris vi electrica ortis]. *Polnoe sobranie sochineniy*, vol. 3, Leningrad: Izd-vo AN SSSR, pp. 15–99.
- Nikulin A. M. (2022) Nikolay Fedorov i Aleksandr Chayanov: proekty krestyanskogo preobrazheniya Rossii [Nikolay Fedorov and Alexander Chayanov: Projects for the peasant transformation of Russia]. *Philosopher of Common Cause*, Moscow: TsBS Yu-ZAO, pp. 237–253.
- Solovyev V. S. (1989) Narodnaya beda i obshchestvennaya pomoshch [People's misfortune and public assistance]. *Sochineniya*, vol. 2, Moscow: Pravda, pp. 370–383.
- Sovremennoe krestyanovedenie i agrarnaya istoriya v XX veke* [Contemporary Peasant Studies and Agrarian History in the 20th Century] (2015), Moscow: ROSSPEN.
- Tolstoy L. N. (1937) O perepisi v Moskve [On the census in Moscow]. *Polnoe sobranie sochineniy*, vol. 25, Moscow: Khudozhestvennaya literatura, pp. 173–181.
- Veliky neznakomets* [The Great Stranger] (1992), Moscow: Progress.